

к 300-летию первой оперы на русский сюжет
ИОГАНН МАТТЕЗОН

БОРИС ГОДУНОВ

или *Хитроумием обретенный трон*

(сочинена в Гамбурге, 1710,

поставлена на фестивале Earlymusic, 2007,

выходит на DVD, 2010)



Химеры сопровождают эту оперу с момента ее написания. Одно из лучших творений Маттезона, она так и не была поставлена при его жизни. Перед второй мировой войной ее начали изучать, но во время войны партитура исчезла. Химера забвения старалась. В начале 90-х партитура обнаружилась в Армении и была возвращена по реституции Германии. Но кривляющиеся химеры снова проявили себя, наводя морок озлобленности, глупости, непонимания. Скандал с борьбой за владение авторскими правами на «Бориса» Маттезона вопреки очевидной нелепости привел к наспех сделанному концертному исполнению оперы в Германии и омрачил постановку в стиле a la Russe на Бостонском Earlymusic фестивале в 2005 году.

Когда стало понятно, что уже сделанную бостонскую постановку в России показать не удастся, решили ставить сами. Идея эта исходила от Ирины Дмитриевны Прохоровой, создателя «Нового Литературного Обозрения» – альманаха и издательства. Началась работа, и химеры разгулялись. Это были отборные химеры безумия, лжи, злобы, предательства. Особенно старалась химера, отвечавшая за задержки в финансировании. Но результат стоил противостояния. Первая российская барочная постановка получилась красивой и интересной. Это был успех! Но не победа. Следующие три года для главных участников постановки прошли в испытаниях зубами и когтями химер, а опера снова оказалась в забвении. Химера жадности старалась: найти деньги на монтаж записи постановки казалось невозможно. Грант Президента России нарушил этот морок. Но проявилась особенная химера, обитающая в недрах отдела Министерства культуры, отвечающего за президентские гранты...

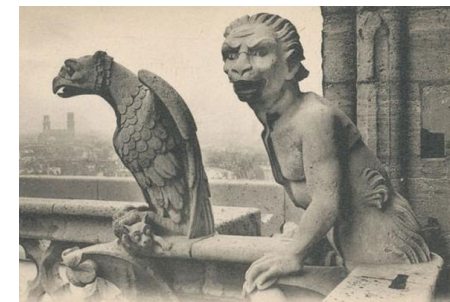
Ангелы не видны, а химеры повсюду.

Так мог бы сказать и сам царь Борис Годунов, записанный молвой в лютые злодеи, хотя ясно уже, что не убивал он царевича Дмитрия (см. книги Руслана Скрынникова).

Преодоление химер подобно возведению храма. Для оперы триста лет ожидания закончились. Химер больше нет. Они исчезли. Опера есть.

Белым стихом Анри Волохонского, нашего современника, одного из самых удивительных поэтов XX века, хочется закончить этот рассказ, чтобы перейти к музыке.

А.Р.



СОБОР В ШАРТРЕ

1

Сам не ведаю как
Заглянув на дно собственной души
Различаю там разнообразных уродов
Толпящихся и тонущих
И вновь они выступают из ее лакированной плоскости
Словно на картине Босха.

Так чем же объяснить, что точно такие уроды
Сопутствуют устремлению вверх –
о нет! – не души, –
о ней возможны всевозможные мнения

ее тяготение туда может быть одето перьями
вовсе не лебеда, у которого отшибло память
даже не ворона, пророчествующего о прошлом предков
и не орла, парящего между воздухом и льдом –

в ее стремлении ввысь чувствуется нечто обезьянье,
что-то гигиеническое –
говорят откровенные люди:
там воздух чище, –

так вот не о душе здесь речь, –

Но почему же образ этого строения
Сверху донизу изукрашен
Мерзкими изображениями химер?

Голосом медного сердца
Еженедельно глаголят тучам
О том
Где похоронен ее покров.

5

Таково бессилие искусства
Такова сбивчивая небесная речь
Которой строение возвышается памятником лепету окаменелых душ,
Положивших себя руками в основание его едва преображенного вещества,
В стеклянную лазурь прекрасного косноязычия.

Положа руку на сердце
Я пою едва улыбаясь этот эфемерный успех
Мой пафос запятнан следами пресмыкающихся
Поднявшихся с отмытого дна моей души
Ползущих по каменным стенам безгласного сердца
По гладким стенам моего современного храма
До неравных башен мысли и речи
Где колокол поет.



Анри Волохонский